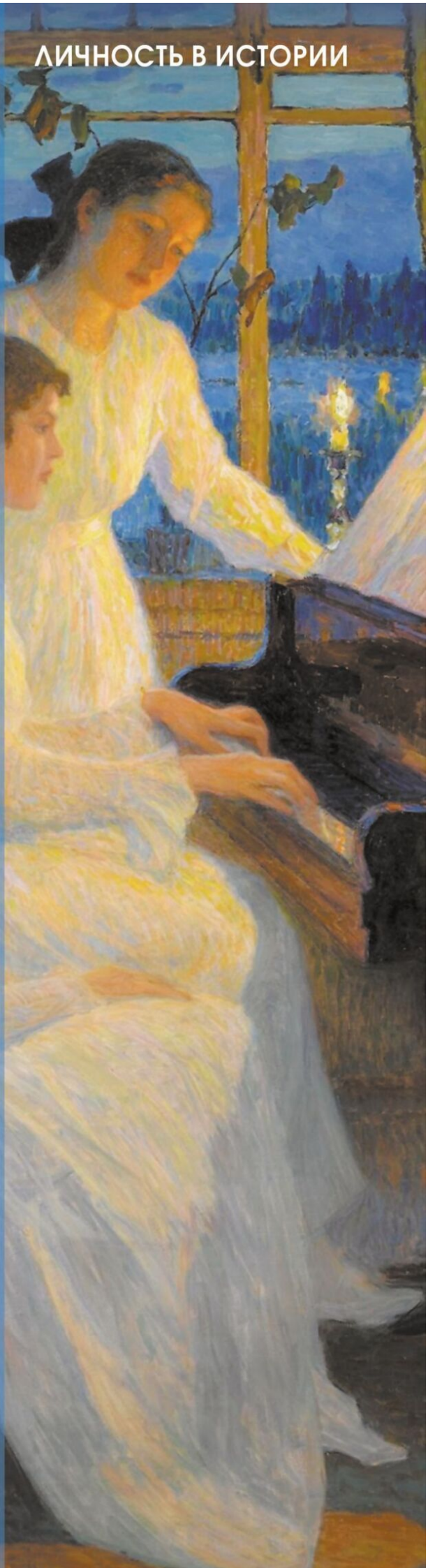
ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

ТАТЬЯНА ВЯЗОВА

ЖИЗНЬ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

СТАРИННЫЕ ТРАДИЦИИ, ПРАЗДНИКИ, РЕЦЕПТЫ

Татьяна Вязова

Жизнь русской усадьбы. Старинные традиции, праздники, рецепты

«Издательство АСТ»
2025

УДК 394
ББК 63.3(2)6

Вязова Т.

Жизнь русской усадьбы. Старинные традиции, праздники, рецепты / Т. Вязова — «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-172091-9

Окунитесь в мир тепла, любви и семейного очага, вобравшего в себя дыхание времени. Прикоснитесь к эпохе высоких духовных идеалов, которых так не хватает нам сегодня. Все лучшее из былых времен возможно перенять — через быт, традиции и отношение друг к другу. Татьяна Вязова, исследователь усадебной культуры, автор блога о русской жизни конца XIX — начала XX века, покажет вам быт прошлого и предложит современным семьям вернуть забытые ценности: совместные вечера с играми и шарадами, праздничные обряды, старинные рецепты и теплые семейные традиции. Каждая страница книги пропитана домашней атмосферой взаимопонимания и любви между родными людьми. Автор, глубоко изучивший жизнь старины через архивы, мемуары и исторические документы, создала уникальный обзор дореволюционного частного мира и домашнего уюта. Вы познакомитесь с годовым циклом жизни усадьбы и ее обитателями, семейными праздниками, душевными посиделками и совместными развлечениями. Это руководство по созданию настоящего семейного гнезда, где каждый чувствует себя защищенным и любимым.

УДК 394
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-17-172091-9

© Вязова Т., 2025
© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Предисловие 7
Часть первая 9
Глава первая 9
Глава вторая 13
Глава третья 15
Глава четвертая 20
Глава пятая 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Татьяна Вязова
Жизнь русской усадьбы
Старинные традиции, праздники, рецепты

* * *

© Вязова Т., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Моей дорогой семье в её настоящем, прошлом и будущем

Какие же именины без сдобного кренделя, посыпанного миндалем, к утреннему чаю и без анковского пирога к вечеру?

То же самое, что Рождество без елки, Пасха без катания яиц, кормилица без кокошника, квас без изюминки <..>

Без этого уже ничего не останется святого…

Илья Толстой

Предисловие

«Закрою я глаза – и чудится мне старая Россия большой помещичьей усадьбой…»
А. Аверченко

Дорогой читатель!

Мне очень приятно, что Вы держите в руках эту книгу. Это означает, что мы – единомышленники. И Вам, так же как и мне, интересно, чем же жила день за днем русская усадьба. Самая обыкновенная – не богатая и не бедная, – такая, каких в стране когда-то было много. Чем было заполнено время ее обитателей, как распорядок дня и занятия менялись в зависимости от сезона или погоды, что и как праздновали, что было на столе, в саду, в доме, чем украшали свою жизнь. Что составляло содержание усадебной жизни.

Сразу оговорюсь, это не научный труд. И хотя повествование базируется на исторических источниках, здесь нашлось место и литературному вымыслу. Кроме того, давняя задумка изложить на бумаге фрагменты нашей семейной истории также смогла осуществиться.

Что же натолкнуло меня на мысль написать книгу? Этой идеей я обязана человеку, который даже не подозревает о своей миссии. Однажды я получила приглашение из одного из уральских музеев приехать прочитать несколько лекций об усадебной жизни. Причем это должен был быть не научный цикл с набором статистических или иных сведений, а просто рассказ о повседневности в хорошем смысле этого слова, о жизни, наполненной традициями, действиями, мыслями и чувствами. Предложение казалось интересным, тем более что материала к тому времени было накоплено много, публикаций на самые разные темы усадебной жизни собралось более тысячи. Но я задумалась: при всем объеме собранной информации не было средства, которое позволяло бы легко распорядиться ею. Одним словом, она не была систематизирована. Но по какому принципу это осуществить?

В этот момент пришло предложение от издательства написать книгу. Сами собой родились идея жанра письма и принцип хронологического повествования. Ведь в письмах можно поведать обо всем – о событиях в семье и в мире, о делах и заботах, о погоде, о книгах, о соседях, о влюбленностях… Словом, было решено посредством писем рассказать об одном годе усадебной жизни. А поскольку часть персонажей – это мои предки, можно было поделиться слышанными мною от бабушки историями, ее выражениями и словечками из тех давних лет, а также старыми семейными рецептами. И даже песней, которую бабушка пела мне в детстве и которую я с тех пор ни разу не слышала. Может быть, это не даст ей кануть в Лету.

Что касается рецептов: они либо проверены на практике несколькими поколениями нашей семьи, либо (если взяты из старинной кулинарной книги) опробованы мной, а потому смело могут быть повторены читателями.

И о вымысле. То, что не соответствует времени действия сюжета книги, – это погода. Хотя картины природы, создающие фон событий, вполне правдивы, но взяты из моего личного дневника наблюдений, то есть современны.

Итак, что же получилось? Календарь усадебной жизни, с января по декабрь, где отправными точками сюжета служат важные даты – православные или семейные. Им соответствует описание торжеств и подготовки к ним, идеи развлечений для семьи и гостей. Между важными датами – обычные дни, которые наши предки умели проводить содержательно и интересно.

Все описания подкреплены выдержками из мемуарной литературы XVIII–XX веков. И как оказывается, многое из старинной жизни можно запросто перенести в сегодняшние дни. Для этого не обязательно быть помещиками и даже жить в усадьбе не обязательно, главное – это интерес и любовь к нашему прошлому.

С уважением,
автор

Часть первая
От Крещения до Пасхи

Глава первая
Первые дни в Никольском. Семья и усадьба. Крещенский Сочельник

3 января

Милая кузина!

Как и обещала, едва распаковав вещи, сажусь за письмо тебе.

Итак, я в Никольском.

Виктор и Лидочка встретили меня так приветливо, так ласково, как умеют только они. А тетя Анна – как всегда, букой, тебе это известно: холодна и строга, обняла меня и тут же ушла к себе, под сень образов. До сих пор живет во мне детский трепет при входе в ее комнату – этот полумрак, мерцание лампад перед иконами, какая-то особенно напряженная тишина, и тетя – неулыбчивая и суровая. А помнишь, как меня наказали, когда мы детьми принялись носиться

в горелки, и я, осаливая кого-то, вместо «салка!» выкрикнула имя лукавого?! Кажется, тетя до сих пор мне этого не забыла… Ну и ладно!

Зато Лида и Виктор сразу почувствовали мою грусть и, чтобы развлечь меня, начали строить планы на крещенские дни и на далекую пока Масленицу. У них множество идей! Как хорошо, что между нами такая маленькая разница в возрасте – совершенно не чувствую в них дядю и тетю, скорее брата и сестру. Думаю, отец с небес радуется нашему сближению!

Из новостей: Лида несколько месяцев назад поступила учительницей в никольскую школу. Дело ее захватило: она не только дает уроки, но и печется о своих учениках – на Рождество устраивала елку с играми, выступлениями, подарками. Предложила и мне сопровождать ее назавтра, но я пока не готова. Надо привести в порядок чувства. До сих пор не верится, что мы с тобой расстались на целый год и целый год не сможем видеть наш милый дом на Зацепе! И хотя все уже тысячу раз оговорено, невольно возвращаешься мыслями во вчера и думаешь, не упустили ли мы какой-то иной возможности? Но нет – сдать семейное гнездо в наем на такой большой срок (большой для нас с тобой, конечно) – единственный выход. Дело сделано, так что станем бодриться! Год в деревне – не такая уж большая плата за возможность сохранить родные пенаты, ведь правда?

Зовут к ужину. Вернусь к письму позже.

* * *

Продолжаю на другой день, 4 января.

Ты спросишь, дорогая, изменился ли никольский дом. Ничуть не изменился! Это все та же «усадьба Лариных», каких много в средней России. То, что Виктор начал ответственно заниматься хозяйством, коснулось больше самого имения, его экономической жизни, но не дома как такового. И думается, это к лучшему – должно же что-то в жизни быть незыблемым! Помнишь, как у Лермонтова:

И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей…[1]

По-прежнему от тракта к усадьбе ведет дорога, обрамленная старыми осокорями. На парадном дворе – большая клумба, сейчас она укрыта роскошной снежной полостью. В гостиной светло от окон, на стене два знакомых портрета, дагерротипы и фотографии, из которых иные совсем свежие. Выход на веранду сейчас закрыт и хорошенько утеплен проложенной ватой. Но простор убеленного сада так и манит на расчищенные Степаном (помнишь его?) дорожки! А там, за садом, – спуск к речке…

В зале прежняя мебель красного дерева, растения в жардиньерках и кадках и, главное, хорошо настроенный рояль. В углу – предмет моего детского любопытства – огромные часы с боем и движущимися фигурками кораблей над циферблатом: кажется, будто их качает на волнах. Это действительно какой-то редкий экземпляр и, пожалуй, стоит разузнать его историю.

За столом вчера заговорились допоздна, вспоминали детство, всю нашу большую некогда семью. Виктор пообещал принести мне старые письма – все уже знают, как я люблю копаться в бумагах. Надеюсь разузнать для себя что-то новое и пролить свет на пробелы в истории нашего рода. К тому же такое чтение меня очень увлечет и позволит забыться в эти первые – самые сложные – дни в разлуке с тобой, дорогая.

---

[1] *Лермонтов М. Ю.* «Как часто, пестрою толпою окружен…» // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. М.; Л. 1936.

Завтра Крещенский Сочельник! Будут готовить иордань[2], прибирать в доме, потом кропить все углы святой водой – все, как в старые годы.

Обнимаю тебя, дорогая моя, будь здорова! И пожалуйста, обними покрепче за меня наших старых тетушек!

«<..> с наступлением 5-го января все сразу изменялось – убирали и мыли дом. Мы до святой воды, если хотели, могли пить один только чай без хлеба, выпивши предварительно прошлогодней богоявленской воды. Мы с отцом пивали чай, но мать и тетя, а также и тетя Варя никогда не пили чаю, и в час дня все отправлялись в церковь.

Нас также брали с собой. Мы отстаивали обедню и водосвятие, по окончании которого весь народ с глиняными кувшинами стремился к кадкам с освященной водой. Это бывала настоящая война, и никто не мог остановить этой давки друг друга. Кувшины бились, вода проливалась.

Нам дьячки или дьякон приносили нашу посуду, наполненную водой, и свечку „крещенскую“. Эта свечка горела все водосвятие на паникадиле около чаши с водой. Свечу эту берегли в доме.

Приехавши домой, мы пили чай, и это был наш обед; вместе с чаем всегда в этот день у нас бывал компот из сушеных плодов и чернослива и кутья из рису. Чай пили с постной булкой и больше ничего не ели в этот день.

Вечером священник с причтом[3] служил всенощную, после которой скоро уезжали домой, а мы все, дети и большие, ложились спать.

На утро Крещения мы все отправлялись к обедне. После обедни всегда был крестный ход на Иордань, которая устраивалась на речке; спускаться к этому месту надо было с очень крутой горы, речка окружена была прелестным небольшим сосновым лесом… При ярком зимнем солнце лесок, покрытый инеем, блистал серебром и драгоценными алмазами, золотые хоругви, образа, священники в праздничных золотых парчовых ризах, толпы народа – все это запечатлелось в моем детском воспоминании; мы с большим благоговением выстаивали всю службу водосвятия, несмотря иногда на очень сильные крещенские морозы. Раз даже я обморозила на Крещенье щеку, от чего, помню, мне ее мазали гусиным салом.

Мы возвращались в церковь, но многие из народа, особенно те, которые наряжались на святках в маски, что считалось грехом, оставались на Иордани и купались в ледяной воде. Я не помню ни одного случая, чтобы кто-нибудь заболел после такого купания.

После обедни вся наша семья с тетей Варей возвращалась домой, позавтракавши, так же как и на Рождество и Новый год, вкусным, обильным деревенским, жирным завтраком, ложились отдыхать.

После обеда приходил священник с причтом, со святой водой, кропили везде: в доме, в риге, на скотном дворе, в амбарах, в кухне и людских избах. Священник и дьякон оставались

---

[2] Иордань – крещенская прорубь. – *Прим. ред.*

[3] Причт – служители храма. – *Прим. ред.*

нашими гостями весь вечер, а дьячков угощала наша прислуга в девичьей или в прихожей, хотя закуски и кушанья им подавались те же, что и нам, но после закуски и водки они отправлялись домой.

6-го был последний святочный вечер. С 7 января наступали будни»[4].

[4] Воспоминания Анны Козминичны Лелонг //Русский архив. М., 1913.

Глава вторая
Крещенские традиции. Ледяные голубки

6 января

С праздником, дорогая!

У нас стоят настоящие крещенские морозы. Небо пронзительной голубизны, взгляд так и тонет в этой бездонности! Сегодняшний день – прекрасная иллюстрация классической русской зимы!

Мы с Лидой ходили к иордани. Возле нее помещен большой крест, увенчанный ледяной фигуркой голубка – символа Святого Духа. Таких же ледяных птичек я видела в руках у многих детей на улице. Оказывается, здесь существует своя милая **крещенская традиция: по окончании праздничной службы ребятишек наделяют такими вот подарками со смыслом.** Представь себе: вытачиванием их занимаются сыновья отца Серафима, и делают это не без художественного таланта!

Нагулявшись по морозу, мы вернулись в теплый дом и разошлись по комнатам, чтобы отдохнуть с книгой в руках. Пару дней назад я присмотрела в кабинете собрание сочинений Александра Куприна; помнится, читала у него не так давно о праздновании Крещения в Крыму. Нашла этот рассказ: действительно, речь идет о водосвятии в Балаклаве. Так и видишь эту волнующую картину: крестный ход с образами, крестами, с пением торжественно идет к берегу Черного моря…

Обнимаю тебя, милая Тика! Не скучай!

«Духовенство взошло на помост деревянной пристани. Сзади густо теснились женщины, старики и дети, а молодежь в лодках на заливе тесным полукругом опоясала пристань.

Был солнечный, прозрачный и холодный день; выпавший за ночь снег нежно лежал на улицах, на крышах и на плешивых бурых горах, а вода в заливе синела, как аметист, и небо было голубое, праздничное, улыбающееся. Молодые рыбаки в лодках были одеты только для приличия в одно исподнее белье, иные же были голы до пояса. Все они дрожали от холода, ежились, потирали озябшие руки и груди. Стройно и необычно сладостно неслось пение хора по неподвижной глади воды.

„Во Иордане крещающуся…“ – тонко и фальшиво запел священник, и высоко поднятый крест заблестел в его руках белым металлом… Наступил самый серьезный момент. Молодые рыбаки стояли каждый на носу своего баркаса, все полураздетые, наклоняясь вперед в нетерпеливом ожидании. Во второй раз пропел священник, и хор подхватил стройно и радостно

„Во Иордане“. Наконец, в третий раз поднялся крест над толпой и вдруг, брошенный рукой священника, полетел, описывая блестящую дугу в воздухе, и звонко упал в море.

В тот же момент со всех баркасов с плеском и криками ринулись в воду вниз головами десятки крепких, мускулистых тел. Прошло секунды три-четыре. Пустые лодки покачивались, кланяясь. Взбудораженная вода ходила взад и вперед… Потом одна за другой начали показываться над водою мотающиеся фыркающие головы, с волосами, падающими на глаза. Позднее других вынырнул с крестом в руке молодой Яни Липиади.

Веселые итальянцы не могли сохранить надлежащей серьезности при виде этого необыкновенного, освященного седой древностью, полуспортивного, полурелигиозного обряда. Они встретили победителя <..> дружными аплодисментами<..>»[5].

[5] *Куприн А. И.* Листригоны. Полн. собр. соч. СПб., 1912.

Глава третья
Усадебный архив

12 января

Милая кузина!

Спешу поделиться – у меня потрясающая новость!

Представь себе, я обнаружила в Никольском настоящий клад! Не сокровища, но действительно драгоценность, во всяком случае для меня.

Виктор показал мне задвинутый в темную комнату сундук, битком набитый старыми бумагами! Все это хранится неразобранным много лет, со времени болезни и кончины Федора Никитича, мужа тетки Анны. Он, видимо, питал к этим весточкам из прошлого ту же страсть, что и я, и при случае купил за гроши у новых хозяев соседней усадьбы какие-то разрозненные архивы прежних владельцев. Наверное, он хотел разобрать и упорядочить все это добро, поскольку долгое время стопки пожелтевших бумаг лежали на всех свободных поверхностях в кабинете. Однако, как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. Болезнь не позволила осуществить задуманное. А спустя какое-то время тетя Анна приказала навести порядок в кабинете, сложить архивы в сундук и сослать в темную комнату.

С разрешения тети и Виктора я беру бумаги небольшими стопками и уношу к себе. Чего там только нет! Это и потрепанные журналы с недостающими страницами, без обложек, и газеты, и чужие рукописи, и хозяйственные записки, и даже отдельные листы с текстом без начала и конца.

Дорогая моя, для меня теперь жизнь переменилась! Я часами пропадаю над старинными заметками и статьями: ты же знаешь, мне всегда было интересно, как жили люди вот в этот самый месяц или день десять или сто лет назад, что они видели за окном – ту же погоду, что и я, или нет, о чем думали, как говели[6] и как праздновали… И вот сейчас я нависаю над сундуком, в котором, вероятно, помещены ответы на многие мои вопросы. Это ли не чудо?

Если захочешь, я буду посвящать тебя в свои открытия и делиться самым интересным. Как бы мне хотелось создать в своем воображении картину годового цикла усадебной жизни! Возможно, мои собственные наблюдения, излагаемые в письмах к тебе и дополненные сведениями из сундука, позволят воплотить это не только в уме, но и на бумаге.

Пока же хочу поделиться с тобой трагической историей, поведанной двумя разными рассказчиками. В первом случае события излагает посторонний человек, а во втором – ближайший родственник. Насколько же это влияет на угол зрения в оценке событий! Предоставляю тебе самой судить об этом. Привожу текст почти дословно, так как нечасто удается встретить два ярких описания одного и того же случая.

Всего тебе самого доброго, моя дорогая кузина!

[6] Говеть – соблюдать традиции поста, в первую очередь ограничения в пище. – *Прим. ред.*

«…хочется рассказать одно происшествие, случившееся в Ярославле <..> и поразившее все тамошнее общество, – происшествие, доказывающее, между прочим, и то, что „чужое добро впрок нейдет“.

Во второй половине XVIII столетия жил в Ярославской губернии некто Туренин (конечно, в настоящем рассказе фамилии переменены), старик-холостяк, помещик, обладавший значительным состоянием, простиравшимся за две тысячи душ крестьян, с огромным количеством земель, лесов и всякого рода угодий.

Этот старичок, хотя и не был женат, но имел двух воспитанниц, которые составляли всю радость в его жизни. И действительно, девицы были предостойные, несмотря на темное свое происхождение.

Кроме того, обе сестры при необыкновенной миловидности отличались замечательною белизною, голубыми глазами, высоким ростом, стройными талиями и такими волосами, которые некогда в Греции составляли первую принадлежность красоты, т. е. сходствовали цветом с драгоценным металлом.

Вот одну из них Туренин уже выдал и замуж, за дворянина, хотя и бедного, но хорошего человека, обещав наградить их впоследствии половиной своего состояния.

Наконец и за другую воспитанницу присватался жених, Андрей Николаевич Смароков, хотя тоже небогатый, но отлично образованный, красавец собой, несмотря на свои сорок лет, в значительном чине и аристократ.

Само собой разумеется, как опытный ловелас Смароков в короткое время успел влюбить в себя по уши молодую невинную девушку и сам прикинулся в нее влюбленным страстно <..>.

Старик обрадовался такому жениху, как кладу. Но Смароков не иначе соглашался вступить в брачные узы, как получив вперед все имение Туренина, обязываясь благородным словом наградить замужнюю воспитанницу известной суммой денег.

Туренин согласился. Все свое имение по купчей крепости перевел на имя нареченного жениха безденежно; но, пока совершался крепостной акт и делался ввод во владение нового помещика, старик опасно занемог и, похворав недели две-три, умер.

Приличие требовало отложить свадьбу до шести недель; а тут подошел пост – свадьбы играть нельзя. Пред наступлением вожделенного времени невеста, хотя и деликатным образом, но стала напоминать аристократу об исполнении его обещания, и жених наконец назначил тот счастливый день, в который они должны соединиться навеки!

Но накануне этого дня <..> Смароков получает из Москвы с эстафетой от сестры своей письмо, что чрезвычайные де обстоятельства требуют немедленного прибытия его в Москву <..>.

Собравшись на скорую руку и обещав невесте тотчас возвратиться, Смароков поскакал в Москву и там – женился на княжне Д-ковой! <..>

Скоро весть о случившемся достигла и Ярославля. Можно представить положение обманутой и ограбленной невесты.

Года через два злая чахотка прекратила жизнь этой бедной страдалицы на руках единственного ее друга, замужней сестры, уехавшей вместе с нею и своим мужем в его отдаленную Костромскую деревеньку <..>.

Но и замужняя сестра… недолго нажила и не оставила по себе потомства.

Между тем Смароков стал хорошо поживать да детей наживать. Вот у него от сиятельной супруги (конечно, не знавшей об его обмане) сряду один за другим родились три сынка, и все хорошенькие мальчики…

С самой женитьбы местопребыванием своим Смароков избрал древнюю нашу столицу. В Ярославль же и тамошние свои вотчины „почему-то“ не ездил, пока здравствовала его супруга, которая, поживя замужем лет десять, скончалась <..> в самое светлое Христово Воскресение <..>.

По смерти жены <..> Смароков решился переехать на житье в свое „благоприобретенное“ Ярославское имение <..>, как не заботиться отцу семейства о приумножении грядущих доходов, когда у него растут три сынка-соколка, так что любо-дорого смотреть; сердце отцовское не нарадовалось, глядя на них <..>.

Шар земной бежит незаметно <..>, сыновья Смарокова, погодки, все уже выросли, кончили с полным успехом курс учения в одном из Петербургских корпусов, вступили в военную службу офицерами и вскоре отправились на войну. Понятно, как болело в это время родительское сердце <..>!

Но вот война окончилась и со славой для нашего любезного отечества. Братья Смароковы оказали чудеса храбрости, украсились знаками отличия и все трое здравы и невредимы <..>. Сыновья пишут отцу, что они берут отпуск и едут или спешат в его нежные объятия <..> и по расчету в такой-то день надеются быть по дороге в гостях у дяди, а на другой день прибыть и в родительское имение. И действительно, в назначенный день Смароковы приехали к дяде и тотчас же известили об этом отца, дабы приготовить старика к радостному свиданию, без потрясения драгоценного его здоровья, так как иногда чрезвычайная радость губительно действует на любимцев фортуны.

Можно представить восхищение отца! Он спешит звать к себе на завтра всех своих соседей, даже малознакомых <..>. Приказывает готовить обильный и роскошный стол, с музыкой и певчими, а вечером иллюминацию и фейерверк; думает продолжить это торжество до трех дней, разнообразя его спектаклями, концертами и другими невинными, но приятными забавами.

Был июль в исходе. Все, по-видимому, благоприятствовало празднику. Утро стояло чудное, хотя и жаркое; но жар умерялся прохладою вод, садов и рощей, окружавших господскую великолепную усадьбу <..>.

Ударил час. Гости все давно уже съехались <..>. Старик <..> наконец теряет всякое терпение и приказывает скакать верховому, узнать о причине замедления <..>.

…возвратился компаньон и успел что-то шепнуть капельмейстеру на ухо <..>. И вдруг музыканты заиграли какую-то глубоко заунывную пьесу, погребальный мотив которой произвел на всех невыразимое впечатление <..>. Компаньон, остановя музыкантов, повел такую речь: „<..> Да Господь посылает Вам тяжелый крест <..> сыновей Ваших уже нет на свете: вчера, купаясь в Волге, они все трое утонули <..>“.

Не слушая ничьих увещаний, старик вскричал: „О дети мои, о дети мои милые! Неужели я вас более не увижу?!“ и после <..> сказал, как бы сарданически: „Провидение! Так ты существуешь?“

Но тут кровь бросилась ему в голову, глаза помутились, ноги задрожали: его поразил нервический удар»[7].

[7] *Кичеев Г.* Из недавней старины. Рассказы и воспоминания. М., 1870.

* * *

«…они (мать и отец) поехали на лето в село Красное.

Здесь случилось страшное несчастье. Братья моей матери были в гостях за несколько верст от Красного у дяди своего Алексея Андреевича, и во время отдыха его после обеда поехали кататься на лодке по Волге. От какой-то неосторожности лодка опрокинулась, и трое юношей потонули. Едва успели спасти младшего из них, Петра Николаевича, четырнадцатилетнего мальчика. Двое старших – Сергей двадцати одного года и Александр девятнадцати лет были уже на службе в Московском Архиве Иностранной Коллегии, третьему, Андрею, было семнадцать лет. Тела их отысканы на другой день далеко от места, где они погибли, и погребены в селе Блазнове, принадлежащем дяде их.

Не берусь описывать горести отца, внезапно потерявшего трех взрослых сыновей; но как истинный христианин, он перенес это несчастье с примерной твердостью: никто не слыхал от него ропота; несколько дней и ночей он провел почти в беспрерывной молитве. Но окружающие его заметили, что после того он никогда не произносил имен утонувших сыновей и не бывал в усадьбе своего брата, где совершилась эта ужасная катастрофа.

Не могу умолчать о том, что предстоявшее горе было ему предсказано за несколько лет. Сестры его, постоянно жившие в доме старшего своего брата, имели обыкновение ездить ежегодно в Суздаль для поклонения св[ятым] мощам и посещения одной юродивой, которую они очень почитали. Эта юродивая по имени Марфа Яковлевна имела дар прозорливости, и многие предсказания ее сбывались. В 1804 году дедушка вздумал поехать в Суздаль вместе с бабушками, но не пошел с ними к Марфе Яковлевне, потому что не любил юродивых и боялся их предсказаний. Увидев сестер его, блаженная тотчас же сказала: „Отчего же братец ваш ко мне не пожаловал? Грешной Марфуше непременно надо его видеть“. По такому усиленному приглашению Николай Андреевич пошел к ней и услышал такие речи: „Всякое добро от Бога и всякое горе от Бога – нам на пользу, на очищение грехов. И ты, голубчик Николай Андреевич, в горе не ропщи на Бога, а молись и предавайся в Его святую волю“. Дедушка отвечал, что у него, по милости Божией, нет горя. „Коли нет, сказала она, так Бога благодари; а когда придет горе, вспомни про слова грешной Марфуши. Скажи тогда: Бог дал, Бог и взял“. Думаю, что слова юродивой праведницы припомнились в свое время несчастному отцу.

Твердая душа старика перенесла горе, но тело не выдержало. Он ослабевал с каждым днем, и с наступлением весны легкая, по-видимому, простудная болезнь свела его в могилу. Он скончался 4 мая 1810 года; тело его погребено в Новоспасском монастыре в одной могиле с женой его и рядом с могилами родных ее, Долгоруковых <..>.

После внезапной смерти сыновей своих дедушка был очень озабочен судьбой дочери. Хотя она получила законную часть из имения отца и матери, и при четырех братьях эта часть казалась достаточною; <..> но теперь, когда остался один только брат, наследник всего имения не только после отца и матери, но и после дяди и теток – отец не мог не чувствовать, что любимая дочь его награждена очень мало. Он часто говорил об этом с сестрами и внушал сыну,

чтобы он, когда вступит в совершеннолетие, отдал сестре не менее двухсот душ из Ярославского материнского имения. Это и было исполнено тотчас же по кончине дедушки: мать моя получила двести сорок душ в Мышкинском уезде и с того времени постоянно пользовалась доходами <..>. Мать моя как вполне отделенная дочь не имела никакого права на получение нового наследства; оно было для нее подарком и вместе с тем доказательством наследственного благородства и бескорыстия Сумароковых в лице пятнадцатилетнего отрока Петра Николаевича…»[8].

[8] Воспоминания графа М. В. Толстого // Русский архив. М., 1881.

Глава четвертая
Об укатывании снежных дорог. Зимнее времяпрепровождение. Домашний альбом с рецептами и блюда князя Урусова. О видах коровьего масла

17 января

Моя дорогая кузина!

Как я рада, что завтра с утра поедут на почту, и я могу быстро ответить на твое сердечное письмо, за которое душевно благодарю!

Все мы живы-здоровы, слава Богу! Снегу в Никольском в этом году – на диво! Но санный путь хорош. Ты спросишь: как? Ведь, бывало, родители иной раз задумывались о поездке в Никольское, да мысли о том, как добираться, пугали. Но теперь иное, и это заслуга Виктора. Он вычитал в журнале статью поэта Хомякова об укатывании дорог, да и распорядился: с самого начала зимы, не пропуская ни единого снегопада, Степан седлает каток с огромным деревянным валом и часами трамбует, ровняет снег.

Ты пишешь, дорогая, что у вас в эту зиму сплошные заносы и завалы, поэтому я перепишу тебе статью и вышлю с этим письмом. Конечно, половина сезона уже позади, но зимы у нас случаются каждый год, так что авось пригодится!

«Опыт улучшения зимних дорог укатыванием

В примечании к статье, напечатанной мною в „Московском Сборнике“, говорил я об опыте, сделанном одним деревенским жителем для улучшения зимних дорог. Этот опыт был повторен мною прошлого года с совершенным успехом. Средства, употребленные мною, были самые простые. Тройка лошадей укатывала дорогу ежедневно не более одного раза простым садовым катком, в котором было около трех аршин длины и около сорока пудов весу; перед катком привязана была такой же длины борона для разравнивания и разрыхления снега.

После больших навалок снега или во время оттепели, когда прокатывание катком делалось невозможным от упора или налипания снега на каток, дороги углаживалась утюгом, т. е. станом, составленным из трех полозьев, обшитых по наружной стороне лубками и, сверх того, листовым железом по заголовкам. На этот стан накладывался тот же самый каток, и впереди привязывалась та же самая борона, но так, чтобы ее зубья не слишком далеко уходили в снег.

Прошлого году пришлось употребить утюг не более десяти раз во всю зиму. Прокатывание катком началось с самого первого дня и повторялось ежедневно, но не более одного раза в

день. Это условие необходимо. Дорога, выбранная мною, очень торный проселок, в три версты длины, с ложбинами и заборами, к которым прибивает снег, известна была тем, что она портилась скорее всех окрестных дорог и делалась обыкновенно непроходимою уже в конце января.

Успех был не только совершенный, но почти невероятный. Несмотря на глубину снега, которая местами доходила до 1½ аршина с лишком, несмотря на ежедневный проезд от двухсот до трехсот подвод с поклажей или порожнем, на всем протяжении дороги до самой весны не оказалось не только ни одного ухаба, но ни малейшего шибня[9] или неровности.

Разумеется, тот же опыт будет мною повторен и нынешний год. Хорошо бы было, если бы подобные опыты были повторены и другими деревенскими жителями. Успех доставил бы России с самыми малыми издержками (около 100 р. асс. на версту) отличные зимние дороги, не уступающие лучшему шоссе, имел бы самые благодетельные последствия для внутренней торговли и для быта поселян. Самый неуспех был бы отраднее, чем равнодушие»[10].

В Никольском жизнь идет размеренно. Наверное, так везде по усадьбам. Поскольку Лидия и Виктор ежедневно заняты – один по школе, другой по хозяйству, встаем и пьем утренний чай мы все в разное время. Завтракаем поздно и обычно вдвоем с тетей Анной, а обедать непременно собираемся вместе за общим столом. Надо сказать, здесь особенным успехом пользуются блюда, которые называют «урусовскими» – поскольку оригинальный их рецепт принадлежит князю Сергею Дмитриевичу Урусову, хозяину калужской усадьбы Росва. Одну из зим он вынужден был жить в имении один, без семьи и прислуги, поэтому блюда готовились самые простые, но необычайно оригинальные и вкусные.

«В течение двух зимних месяцев, проведенных мною в деревне, меня редко посещали знакомые соседи. Многие считали, что я продолжаю жить в городе, а сам я, не имея прислуги и благоустроенного домашнего хозяйства, никого в то время к себе не приглашал. Заезжали в Росву тихоновские монахи, знавшие о моем пребывании в имении вследствие того, что я при своих поездках в лес иногда заезжал в монастырь с целью возобновить запас просвир, заменявших мне белый хлеб. Монастырский казначей вдвоем с каким-нибудь другим монахом приезжал ко мне для закупки ржи или старого кирпича, наломанного из стен полуразрушенного шепелевского сахарного завода…

Я любил поговорить с монахами, вникнуть в этот особый своеобразный мир, а также угостить их, причем доставлял себе удовольствие поразить гостей какою-нибудь неожиданностью.

Однажды для отца казначея и его спутника было приготовлено оригинальное блюдо по рецепту старинной кухонной книги, именуемое „яйцо строфокамила“. Два десятка яичных желтков, заключенных в небольшой пузырь, были сварены вкрутую, затем в другой пузырь, большего размера, были слиты все белки, и помещен сваренный желток. Когда сварилось содержимое второго пузыря, получилось овальное тело, похожее на огромное яйцо, которое и

[9] Выбоина на дороге. – *Прим. ред.*

[10] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. в 8 т. М., 1900.

было подано на блюде, разрезанное вдоль на четыре части, с гарниром из зелени. Изумление монахов, допытывавшихся о том, какая птица снесла это чудовищное яйцо, вполне вознаградило меня за хлопоты.

Затем последовал второй сюрприз: в большой чайник было тайно налито крепкое сладкое крымское вино темно-желтого цвета и подано одновременно с кипящим самоваром. Я наливал стаканы до половины из чайника, доливал кипятком, клал кусок лимона, и мои гости принимались за напиток, который считали чаем. Затея эта казалась им верхом остроумия, и они приходили в такой восторг, который можно наблюдать только у детей, когда они радуются до самозабвения, не стесняясь способами выражения своего восхищения»[11].

У нас всегда любили хорошо поесть, да и вообще в деревне не придерживаются столичных ограничений и не отказывают себе в удовольствии вкусно и сытно закусить. Еще князь Мещерский писал об «истинно гомерических аппетитах некоторых провинциальных помещиков»[12], перед здоровьем которых столичный житель чувствовал все свое ничтожество!

Кстати, у тети Анны есть масса оригинальных рецептов: она собирала их много лет и записывала в специальный альбом, который не так давно передала Лидуше. Альбом преинтересный, описание блюд в нем снабжено рисунками акварелью. Оказывается, у нашей тети Анны где-то глубоко в душе прячется любовь к красоте, это для меня неожиданно! Я, видимо, вообще напрасно руководствуюсь детскими страхами перед ней. То время, что мы проводим вдвоем – за завтраком или в гостиной, волей-неволей ведет нас к общению: не будешь же всякий день сидеть за столом молча! И по тому, что тетя Анна вспоминает из прошлого (а она живет только им) понемногу раскрываются ее вкусы и интересы. А я слушаю и изо всех сил стараюсь разглядеть в ней то, что так уважал в своей любимой тете мой отец. И зову я ее вслед за ним тетей, а не бабушкой (двоюродной), каковой, по сути, она мне приходится.

Вообще к тетке Анне здесь все чувствуют особое уважение и почтение и слушаются ее беспрекословно. Она старшая у нас в роду; видимо, с этим связано такое преклонение перед ее авторитетом.

Но вернусь к альбому, где обнаружила для себя много интересного. Например, все отлично знают вкус чухонского, столового и русского масла. Но я никогда не задумывалась о том, как они готовятся. А ведь в рецептах зачастую рекомендуется использовать какое-то определенное из этих трех видов, от чего, как утверждается, зависит конечный вкус блюда или выпечки.

> ***Чухонское*** **– это масло кислосливочное, приготовляемое из жирной сметаны. Часто его присаливают для лучшей сохранности.**
>
> ***Столовое, или сливочное*** **масло получают путем взбивания жирных сливок, оно сладкосливочное.**
>
> ***Русское*** **– это перетопленное столовое масло, иначе – топленое.**

В Никольском наша дорогая Анисьюшка прекрасно делает любое из них. Процесс не столь сложен, сколь кропотлив. Но можно попробовать самой как-нибудь взяться за приготовление: *сметану или сливки взбивают до отделения твердых хлопьев от жидкой пахты. Затем*

[11] *Урусов С. Д.* Записки. Три года государственной службы. М., 2009.

[12] *Мещерский А. В.* Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского. М., 1901.

выкладывают маслянистые хлопья между двумя листами вощеной бумаги и прокатывают скалкой до однородного гладкого состояния.

Обнимаю тебя, дорогая! Всего тебе наилучшего!

Глава пятая
Сретение. Музыка и пение в усадьбе. Юбилей Даргомыжского

2 февраля

Здравствуй, милая кузина! Со Сретением!

Вот и февраль! И хотя температура иной ночью доходит до минус 23 гр., а все же нет-нет, да и проглянет близкая весна!

По здешней традиции **на Сретение с капающих сосулек собирают воду – она считается целебной, ее сохраняют, чтобы врачевать заболевших**.

Сегодня отмечали столетний юбилей Даргомыжского. Мы с Лидушей пели любимые романсы – «Я вас любил», «Мне минуло шестнадцать лет», Виктор аккомпанировал нам на рояле, а затем сам исполнил «Оделась туманом Гренада».

В разных изданиях к юбилею Даргомыжского вышло много публикаций. Виктор читал нам вслух из «Нивы»: родился композитор в селе под Тулой, где семья спасалась от наполеоновского нашествия, а раннее детство провел в родовой усадьбе Твердуново Смоленской губернии. Мать его, урожденная княжна Козловская, вышла замуж против родительской воли, тайно обвенчавшись со своим избранником. Прекрасно образованная, она сама учила детей, пока семья не переехала в Петербург. Оказывается, мальчиком Александр Сергеевич до пяти лет не разговаривал, и родители боялись, что он останется немым. Но, хвала небесам, все разрешилось, и тогда же обнаружилась особая музыкальная одаренность ребенка. В родное Твердуново Даргомыжский еще возвращался, когда работал над «Русалкой» – там он записывал крестьянские песни, которые переработал для оперы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.